

А.С. Курилов

**ДЕРЖАВИНСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
КРИТЕРИЯ НАРОДНОСТИ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В АКСИОЛОГИИ
МОЛОДОГО В.Г. БЕЛИНСКОГО**

Аннотация

В статье анализируются высказывания о Г.Р. Державине В.Г. Белинского в связи с его концепцией национального своеобразия русской литературы.

Ключевые слова: Г.Р. Державин, В.Г. Белинский, аксиология, именной критерий.

Kurilov A.S. The role of Derzavin's legacy in the concept of national spirit of Russian literature in the axiology of young Belinsky

Summary. The article deals with the reception of Derzavin's legacy in the axiology of young V.G. Belinsky in the connection with his concept of the national spirit of Russian literature.

Понятие «народность литературы» начинает формироваться в XVIII в., когда происходит смена источников вдохновения и творчество «по образцам», признанными классическими (классицизм), уступает место творчеству «в народном духе» (романтизму)¹. Когда, как заметил А.С. Пушкин, «наскучила правильность и совершенство классической древности и бледные, однообразные списки ее подражателей», а «утомленный вкус» требовал «иных, сильнейших ощущений» и находил их «в мутных, но кипящих источниках новой, народной поэзии»². Когда перестали считать достоинством литератур то, что они похожи на античные и в каждой из них есть свои Гомеры, Пиндары, Софоклы, Еврипиды, Вергилии, Горации и т.д., осознав непреходящую самобытную худо-

жественную ценность национальных «старинных песен», в которых получили отражение жизнь народов и события их истории, и что выраженные там чувства «чрезвычайно естественны и поэтичны, и полны той величественной простоты, какой мы восхищаемся у величайших поэтов древности»³.

Представление о Древней Греции и Риме как родине художественной литературы (поэзии) уже не кажется безусловным и убедительным. «Искусство, – пишет в начале 60-х годов XVIII в. И.И. Винкельман, – по-видимому, возникло совершенно одинаковым образом у всех народов, знавших его, и нет достаточных оснований приписывать ему особое отечество, ибо каждый народ находил в себе семена необходимого»⁴.

Но если это так, то почему искусство одних народов не похоже на искусство других? Чем обусловлено их различие? – задается он вопросами и сам же на них отвечает: различное географическое положение стран, условия жизни, климат и питание влияют «на наружность жителей, а также на их образ мыслей», определяют «нравы народов, их вид и окраску... На образ мыслей народа... непосредственно воздействуют также и внешние обстоятельства, особенно воспитание, государственное устройство и образ правления». И заключает: «Образ мышления как восточных и южных народов, так и греков проявляется в произведениях искусства»⁵. И прежде всего в произведениях литературы (поэзии), как самой универсальной формы выражения и отражения «мыслей народа» и образа его мышления, которую предоставляло человеку слово.

Так, вызревает представление о национальном своеобразии литературы, ее источниках и движущих силах, открывая пути для возникновения понятия о *народности литературы* как ступени познания и инструмента познания национального своеобразия литературы. К нам это понятие приходит в 20-е годы XIX в. уже с готовым содержанием, выработанным к тому времени европейской теоретико-литературной мыслью.

«Словесность народа, – пишет О.М. Сомов, – есть говорящая картина его нравов, обычаев и образа жизни»⁶. «Климат, образ правления, вера, – вторит ему А.С. Пушкин, – дают каждому народу своеобразную особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих

исключительно какому-нибудь народу»⁷. Всё это и придает «зеркалу поэзии» народный характер. «Вера праотцев, нравы отечественные, летописи, песни и сказания народные – лучшие, чистейшие, вернейшие источники для нашей словесности», – отмечает В.К. Кюхельбекер, указывая на то, что должно определять национальное своеобразие «истинно русской поэзии»⁸.

Пытаясь найти в нашей литературе XVIII – начала XIX в. «черты народности», А.А. Бестужев-Марлинский считает, что они встречаются только у Д.И. Фонвизина, И.А. Крылова и А.С. Пушкина, правда не уточняя какие, и приходит к выводу: «...у нас нет... литературы», «образцовые дарования» которой «носят на себе отпечаток не только народа, но века и места, где жили они...»⁹ Пройдет немного времени и о том же будет говорить И.В. Киреевский: «...у нас еще нет литературы», потому что в произведениях наших писателей нет «полного отражения умственной жизни народа»¹⁰. Спустя четыре года, в 1834 г., то же скажет и Кс.А. Полевой: «У нас нет литературы, потому что книги русские не выражают вполне России», а «писавших и пишущих у нас так мало, так ограничено, что их нельзя назвать представителями русского ума...»¹¹ В сентябре того же года с аналогичным заявлением выступит В.Г. Белинский, отметив, в отличие от Кс. Полевого, четырех писателей, которых уже вполне можно считать народными, представителями нашей национальной, уже собственно русской литературы, – Державина, Пушкина, Крылова и Грибоедова¹².

Все эти годы наши критики, провозглашая вслед за Сомовым: «...народу русскому... необходимо иметь свою народную поэзию...»¹³, пользуясь общими критериями «народности литературы», никак не могли определить критерии народности уже собственно русской литературы¹⁴. Характерной ее чертой, получившей отражение в памятниках древнерусской словесности, Бестужев-Марлинский будет считать «непреклонный, славолюбивый дух народа, а в народных песнях – «сердечную теплоту» и «уныние»¹⁵. П.А. Вяземский обнаружит в баснях и пословицах «насмешливость лукавую», полагая ее «яркой чертой ума русского»¹⁶. «Веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться» как «отличительную черту в наших нравах» отметит Пушкин¹⁷. Первым, кто попытается все это как-то суммировать и дать ответ на вопрос, что может служить важнейшим, главным,

если не сказать единственным, показателем национального своеобразия русской литературы, был Н.А. Полевой, откликаясь на выход в 1831 г. четырехтомных «Сочинений Державина».

Представление о сущности русской народности он выводит, с одной стороны, из содержания произведений поэта: «Восторг самодовольный, жар души, сила и живопись слова – вот, – замечает Полевой, – отличительные свойства созданий Державина». С другой – из характера Державина, воплотившего в себе, с точки зрения критика, черты русского человека: «Гений Державина, – пишет Полевой, – носит все отпечатки русского характера... В душу его не проникают ни испытующая отвлеченность германца, ни отчаянная безнадежность британца. Также недоступна ему веселая беззаботность француза: в самом веселье это разгульность русская, которая не веселится, но хочет забываться»¹⁸.

Последнее наблюдение очень точное. Действительно, русский человек впадает в «разгульность», переходящую частенько в «загул», не от радости, беззаботности или стремления просто повеселиться, а, как правило, от отчаяния, от овладевшей им грусти, тоски, чувства несправедливости по отношению к нему, желая хоть как-то на какое-то время «забыться» и забыть обо всех свалившихся на него неприятностях, отключиться от печальных реалий своей жизни. И другого способа примирения со своей действительностью у него тогда не было. Да, пожалуй, нет и сейчас...

Затем Полевой еще раз вернется к разговору об «отличительных свойствах созданий Державина», на которых самым непосредственным образом сказались «родные отпечатки русского характера». «Заметьте, – пишет он, – особенно повсюдную унылость души, это веселие забывчивости, это разгулье русское, прорывающиеся сквозь восторг и радость, сквозь громы и бури гения: это из русского сердца выхвачено! В торжественной песне, в эротической пьесе Державина найдете вы родные сердцу черты. Найдете и добродушие насмешки, и русский *гумор*, и родную шутку в образах». Во всем этом Полевой видит «русизм... национальность Державина», что до того упускалось из вида. «Говоря о лирике Державина, – пишет он, – все забывали в нем *русского певца*». И итожит: «Сочинения Державина исполнены русского духа,

которого *видом не видать, слыхом не слышать* у других мнимо русских поэтов наших»¹⁹.

Слова «русский дух» при характеристике сочинений Державина проявляются у Полевого не случайно. Само понятие «дух» возникло как ступень познания того, что человек своим телом, плотью принадлежит к миру материальному, физическому, осязаемому, а сознанием – к миру нематериальному, бесплотному, неосязаемому. В отличие от «телесного» его называли «духовным», а содержание этого мира – «духом».

На «наружность» представителей разных стран, «их вид и окраску» – т.е. на их плоть, влияли климат, географическое положение стран, пища, быт и т.д., в свою очередь условия социальной, общественной жизни, воспитание, образ правления и т.п., воздействовали на нравы людей, их мышление, сознание и т.д. – т.е. на их «дух». В процессе исторического развития человечества духовная жизнь каждого народа приобретала национальные черты, способствуя возникновению и формированию, соответственно, «духа» английского, немецкого, французского, русского и т.д. со своим особым содержанием.

Этот «дух», как уже подметили в конце XVIII в., «проявлялся в произведениях искусства», придавая им качество национального своеобразия, ступенью познания которого и возникает понятие «народность искусства (литературы)»²⁰, становясь затем инструментом познания художественных произведений. Национальное своеобразие определяли две составляющие: «дух народа» и картины (изображение) «народной жизни», выступая, в свою очередь, и составляющими (критериями) понятия о народности литературы и искусства. При этом под «народом», как писал Белинский, понимали тогда не «простой народ», «чернь», «простонародье», а «среднее и высшее сословие», что «составляют народ по преимуществу», потому что «высшая жизнь народа преимущественно выражается в его высших слоях или, вернее всего, в целой идее народа» (I, 92). То есть в понятие «народ» вкладывали содержание, какое сегодня мы вкладываем в понятие «нация».

Таким образом, «народность» осознается как главный, если не единственный, показатель *национального своеобразия* произведений литературы и искусства.

Картины «народной жизни» можно было *увидеть* либо непосредственно, в полотнах живописцев, либо опосредованно, на основе сказанного писателями, нарисовав эти картины мысленно, внутренним зрением, в своем воображении. «Дух народа» можно было только *почувствовать*. Следовательно, «народность русской литературы» определяли собственно «русский дух» и изображение картин «русской жизни».

Первым, кто у нас это ощущает и осознает, был Бестужев-Марлинский, читая «Слово о полку Игореве» и слушая народные песни. Он, на что выше мы уже обратили внимание, отметил «непреклонный славлюбивый дух народа» в «Слове», «сердечную теплоту» в песнях и «уныние», вызванное «бедами отечества и туманным его небом». Н.А. Полевой считал, что до Державина в нашей литературе «русского духа» вообще не было. Лишь произведения этого поэта не просто начинают его выражать, а «исполнены русского духа».

Какие же «отпечатки русского характера», «родные сердцу черты» стали для Полевого показателем «*русизма*» и «национальности» Державина – т.е. его «народности»?

Это – «повсюдная унылость души» (здесь он идет вослед Бестужеву-Марлинскому, впервые почувствовавшему и объяснившему причины появления у наших людей такого настроения), затем «веселие», которое помогало русскому человеку на какое-то время «забывать» о своих и отечества бедах, «туманном его небе»; «разгулье», что позволяло снять с души накопившуюся усталость, «разрядиться», не давая «унынию» перерасти в печаль и беспросветную тоску. А также «добродушие» (незлобивость) насмешки, «русского *гумора*» и шутки.

В меньшей степени Полевого интересует другая составляющая «народности» – изображение картин «русской жизни». Здесь он отметит лишь «живые портреты вельмож и современников» в «Оде к Фелице», описания «русской пляски, русских девушек, цыганские пляски», а также «утра в доме вельможи» (послание «К первому соседу») и выделит «две копейки, которые кладут русские на глаза покойников»²¹.

Постоянно подчеркивая, что Державин «русский певец», «русский поэт», Полевой ни разу не называет его «народным». Это сделает В.Г. Белинский в «Литературных мечтаниях».

Выходя на свое поприще, Белинский не сомневается, что национальное своеобразие литературы определяется «народным духом», так как, подчеркивает он, «художественно-словесные произведения» представляют собой «плод свободного вдохновения... людей, созданных для искусства... выражающих и воспроизводящих в своих изящных созданиях дух того народа, среди которого они рождены и воспитаны, жизни которого живут и духом которого дышат, выражающих в своих творческих произведениях его внутреннюю жизнь до сокровеннейших глубин и биений» (I, 24).

Приложив такое представление о сущности литературы к произведениям отечественных писателей, критик приходит к выводу, что до XVIII в. у нас подобной литературы вообще не было, а были лишь «поэтические предания и вымыслы» нашего народа, в одних – «заунывных песнях» – которого «изливалась его душа в горе и в радости», а другие – «прекрасные», были «полны глубокой грусти, сладкой тоски и разгулья молодецкого» (I, 40), разделяя, таким образом, во многом мнение Н. Полевого относительно «отпечатков русского характера» и «родных сердцу чертах», получивших отражение в созданиях нашего народа.

Белинский безоговорочно соглашается с Полевым, что собственно русская по своему «духу» литература начинается у нас с Державина. Первые «труженики пера», появившиеся у нас в XVIII в., – Антиох Кантемир и В. Тредиаковский, просто не имели, считает Белинский, «поэтического призвания». Кантемир к тому же «был иностранец, следовательно не мог сочувствовать народу и разделять его надежды и опасения», тем более выражать его «дух». Тредиаковский вообще «был рожден для плуга или для топора», а не для искусства (I, 41). «Рожденный» же и «воспитанный» среди народа М.В. Ломоносов, с которого фактически «начинается наша литература», жизнью русского народа не жил и его духом не дышал. «Прельщенный блеском иноземного просвещения, – отметит критик, – он закрыл глаза для родного... оставил без внимания народные песни и сказки, а потому и не стал «народным поэтом»: его «погубила слепая подражательность» (I, 42, 43–44).

Что же сделало «народным» Державина? С одной стороны, «невежество», которое, считает Белинский, «спасло его от подражательности» (I, 50), с другой – время. «Знаете ли вы, – спрашивает читателей критик, – в чем состоял отличительный характер века

Екатерины II, этой великой эпохи, этого светлого момента жизни русского народа?» – и отвечает: «Мне кажется в *народности*». И тут же утверждает: «Да – в *народности*, ибо тогда Русь, стараясь по-прежнему (начиная с Петровской эпохи. – А. К.) подделываться под чужой лад, как будто на зло самой себе, оставалась Русью. Вспомните, – продолжает он, – этих важных радушных бояр... этих величавых и гордых вельмож, которые любили жить *нараспашку*... которые умели попировать и повеселиться по старинному дедовскому обычаю, от всей души русской», широко, до самозабвения и т.д. и т.п. (I, 46–47).

В этих условиях поэт по призванию просто не мог не быть народным. И Державин – «бедный дворянин, почти безграмотный, дитя по своим понятиям», получив неизвестно откуда, удивляется Белинский, «вещий пророческий глагол, потрясающий сердца и восторгающий души», – неизбежно, можно сказать, автоматически становится «народным». Он – «полное выражение, живая летопись, торжественный гимн, пламенный дифирамб века Екатерины... поэтическая весть о том, как велика была несравненная, *богоподобная Фелица киргиз-кайсацкия орды*... как жили и были вельможи русские с своим неистощимым *хлебом-солью*, с своим *русским сибаритством* и русским умом; как русские девы своими пламенными взорами и соболиными бровями разят души и сердца орлов, как блестят их белые чела золотыми лентами, как дышат их нежные груди под драгими жемчугами, как сквозь их голубые жилки переливается розовая кровь, а на ланитах любовь врезала огневые ямки!» (I, 48,49).

Таким образом, первой, в глазах Белинского, *державинской составляющей* народности русской литературы было изображение картин русской жизни сверху донизу, от императрицы и вельмож до простых «дев», картин, что уже, по словам Кс. Полевого, «выражают вполне Россию».

Вторая составляющая, определившая «высочайшую степень» народности и самого Державина, проявилась «не в подборе мужицких слов или насильственной подделке под лад песен и сказок, но в сгибе ума русского, в русском образе взгляда на вещи» (I, 50).

Именно поэтому, заключает Белинский, «мы имеем в Державине *великого, гениального русского поэта*, который был

верным эхом жизни русского народа, верным отголоском века Екатерины II» (I, 50).

Единственным у нас после Державина поэтом, чье творчество отвечало державинским составляющим критерия «народности русской литературы», был для молодого Белинского только Пушкин. Он один, пишет критик в своих «Литературных мечтаниях», «был выражением современного ему мира, представителем современного ему человечества; но мира русского, но человечества русского» (I, 72).

-
- ¹ См.: Курилов А.С. Классицизм, романтизм, сентиментализм. (К вопросу о концепциях и хронологии литературно-художественного развития) // Филологические науки. – М., 2001, – № 5. – С. 41–47; *Он же*. История литературы Нового времени: Логика художественного развития от итальянского Возрождения до русского сентиментализма // Филология и школа. – М., 2003. – Вып. 1. – С. 181–186.
 - ² Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Л., 1978. – Т. 7. – С. 51.
 - ³ Из истории английской эстетической мысли: Поп. Аддисон. Джерард. Рид. – М., 1982. – С. 129.
 - ⁴ Винкельман И.И. История искусства древности. – М., 1933. – С. 18.
 - ⁵ Там же. – С. 27, 31.
 - ⁶ Сомов О.М. О романтической поэзии // Соревнователь просвещения и благотворения. – СПб., 1823. – Ч. XXIII, кн. 2. – С. 125; Литературно-критические работы декабристов. – М., 1978. – С. 264.
 - ⁷ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. – Т. 7. – С. 28–29.
 - ⁸ Кюхельбекер В.К. О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие // Мнемозина. – СПб., 1824. – Ч. II. – С. 42; Литературно-критические работы декабристов. – С. 195.
 - ⁹ Бестужев-Марлинский А.А. Соч.: В 2 т. – Т. 2. – М., 1958. – С. 526, 530, 547, 551.
 - ¹⁰ Киреевский И.В. Обзорение русской словесности 1829 года // Денница, альманах на 1830 год. – М., 1830. – С. XXIV; Киреевский И.В. Избранные статьи. – М., 1984. – С. 60.
 - ¹¹ Полевой Н.А., Полевой Кс.А. Литературная критика. – Л., 1990. – С. 494.
 - ¹² Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. – Т. I. – М., 1953. – С. 101. Далее ссылки на это издание в тексте с указанием тома и страницы.
 - ¹³ Литературно-критические работы декабристов. – С. 272.
 - ¹⁴ См.: Курилов А.С. Понятие «народность русской литературы» в критике 20–30-х годов XIX в. (Пути исканий, критерии) // Филологические науки. – М., 1993. – № 3. – С. 11–18.

- ¹⁵ *Бестужев-Марлинский*. Соч. – Т. 2. – С. 522.
- ¹⁶ *Вяземский П.А.* Соч.: В 2 т. – Т. 2.– М., 1982. – С. 69.
- ¹⁷ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. – Т. 7. – С. 23.
- ¹⁸ *Полевой Н.А., Полевой Кс.А.* Литературная критика. – С. 179.
- ¹⁹ Там же. – С. 182.
- ²⁰ См.: *Курилов А.С.* Понятие народности и принцип историзма // Методология современного литературоведения: Проблемы историзма. – М., 1978. – С. 131–133.
- ²¹ См.: *Н.А. Полевой, Кс.А. Полевой.* Литературная критика. – С. 170, 182, 183.